

Абузар БАГИРОВ,доктор филологических наук,
профессор Университета МГИМО МИД РФ,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

МАСТЕР реалистических произведений

В советский период в азербайджанской художественной литературе основным творческим методом являлся социалистический реализм. Как известно, этот метод не вошёл в обиход общественной мысли органически-естественным путём, а был внедрён сверху – социалистической Системой, партийным указанием. **Декларативно писатели были свободны в своих мыслях и творчестве, реально же действовала официальная установка, диктовавшая превознесение достижений социалистического строя,** борьбы, роста, формирования строителей новой светлой жизни. Иными словами, партия фактически пыталась определить круг действий творческой интеллигенции в целом, управлять талантом, инакомыслие не поощрялось, жёстко пресекалось. Тем не менее, многие истинно талантливые писатели и другие представители творческой интеллигенции, вынужденно приняв спущенные им правила игры, изыскивали разными путями и способами выход из опасно-щекотливой ситуации. Для достижения творческой удачи подлинные мастера слова пускали в ход и эзоповский стиль выражения основных мыслей, и обильное использование иронических, юмористических, саркастических скрытых подтекстов, и все мыслимые и немыслимые лавирования между понятиями «можно» и «нельзя», оперируя позволительными арсеналами художественных средств. Зачастую компоненты существующего социального строя – колхозы, совхозы, заводы, фабрики, производственные пло-

щадки и прочие фактологические материалы составляли фон для разворачивания сюжетов и коллизий во многих значимых прозаических произведениях тех лет.

Понятно, что в таких сурово ограниченных литературно-эстетических рамках создание полноценных, высокопробных художественных произведений представляло весьма трудную задачу. Теперь мы с гордостью можем сказать, что очень многие азербайджанские писатели советского периода с честью выдержали суровые испытания соцреализма и, избежав политических преследований (к горькому сожалению, не обошлось и без существенных потерь), смогли создать немало ценных литературно-художественных образцов. Из плеяды писателей данного периода особенно ярким, характерным примером может послужить жизненный и творческий путь известного прозаика, драматурга, литературного критика, общественного деятеля Мехти Гусейна.

Мехти Али оглу Гусейнов – Мехти Гусейн родился 22 марта 1909 года в селении Шыхлы 2-е в Газахском уезде Елизаветпольской (Гянджа) губернии в семье учителя. Начальное образование получил в родном селе, затем учился в Газахской учительской семинарии, а после переезда семьи в Баку продолжил учёбу в Бакинском педагогическом техникуме, который окончил в 1926 году. В 1926–1930 годах учился на историческом факультете Азербайджанского государственного университета, а в 1936–1938 гг. – на сценарном факультете Государственного института кинематографии (ВГИК) в Москве.

Путь в литературу Мехти Гусейна прошёл через журналистику. Он активно выступал в местной печати со статьями и заметками о сельском хозяйстве, просвещении, социальной жизни. **Его первый рассказ «Стрижка овец» был опубликован в 1926 году в журнале «Шарг гадыны» («Женщина Востока»).** В 1930 году в издательстве «Азернешр» вышли две книги рассказов «Внешние воды» и «Хавер». Основная тема этих рассказов – **азербайджанская деревня первых лет нового социалистического строя; борьба между традиционной и новой психологией,** строительство новой жизни на фоне и вопреки патриархально-феодальным отношениям. Автор показывает жизнь азербайджанского села правдиво, какая она есть, со всеми противоречиями. Он создаёт образы людей, принадлежащих старому миру, и новых людей с новой моралью. Ценность ранних рассказов Мехти Гусейна заключается в

том, что в них взволнованно повествуется о новых социальных отношениях между людьми, отражаются характерные особенности нового быта.

Уже в молодом возрасте Мехти Гусейн взялся за создание крупных прозаических произведений. **В 1932–1936 годах писатель выпустил роман «Половодье» из трёх частей, посвящённый теме преобразования азербайджанской деревни.** В основу сюжета легли реальные события, происходившие в одном из отдалённых районов Азербайджана, о которых автор был достоверно осведомлён. Действие романа относится к тому периоду, когда в Баку советская власть уже победила, а в некоторых отдалённых районах республики всё ещё продолжалось противостояние между прошлым и настоящим, когда-то цельный народ как бы раздвоился, духовное отчуждение углублялось...

В следующем романе Мехти Гусейна «Тарлан» (Баку, «Азернешр», 1940; в русском переводе – «Схватка») **противопоставлены две социальные силы, сошедшиеся в смертельной схватке.** Автором показаны люди, которые стараются вывести сельское хозяйство из оков феодально-патриархальных, собственнических отношений и направить его развитие по новому социалистическому пути. Они стремятся, опираясь на широкую и всестороннюю помощь трудящихся, придать своей борьбе революционный законность, демократический характер. Естественно, им противостоят те, кому социалистическая революция нанесла непоправимый удар. Они пытаются восстановить в деревне феодальные

Обложки первых книг Мехти Гусейна - «Вешние воды» и «Хавер» (Баку, «Азернешр», 1930 г.)

отношения и, сплачивая свои силы, действуют единым фронтом. Автор вновь с болью, прибегая к иносказанию, мастерски подчёркивал морально-духовный урон, нанесённый родному народу социалистической революцией.

Роман «Абшерон» (Баку, «Азернешр», 1949) повествует о ратном труде бакинских нефтяников. Писатель рассказывает, как деревенские ребята приезжают в Баку и начинают трудиться на нефтепромысле. Автор внимательно прослеживает их рост, духовное развитие в новой для них обстановке, под влиянием рабочей среды, традиций славной семьи бакинских нефтяников, как они постепенно входят в эту семью и становятся её полноправными членами. Главный тематический стержень произведения полностью раскрывается через разнообразные человеческие судьбы. **Тема пополнения рабочего класса из среды сельской молодёжи стала актуальной в советской литературе ещё в 30-х годах прошлого века. В азербайджанской литературе эта проблематика впервые была разработана в романе «Абшерон» Мехти Гусейна,** который воплотил её не только в характерах, конфликтах, но и в изобразительных средствах. За этот роман в 1950 году Мехти Гусейн был удостоен Сталинской премии (Государственная премия СССР).

В романе «Утро» (Баку, «Азернешр», 1953) автор возвратился к дореволюционному прошлому азербайджанского народа, отобразил его борьбу против царского самодержавия и капиталистов. Общественную жизнь, крупные социальные события эпохи писатель органически связывает с бытом, личными судьбами людей. Прозаик и в этом произведении верен своему основному творческому кредо – строгая реалистичность.

Роман «Чёрные камни» (Баку, «Азернешр», 1959), повествующий о жизни и труде морских нефтяников, является сюжетным продолжением «Абшерона», но написан в ином ключе. Судьбы героев в этом произведении представлены на фоне нового этапа борьбы за добычу «чёрного золота» – разработки морских скважин. Мехти Гусейн, расширяя рамки повествования, **задался целью показать реальную общественно-политическую жизнь республики, борьбу передовых людей против консерватизма и рутины.** Последний роман писателя «Подземные реки текут в море» был издан посмертно, в 1966 году в издательстве «Азернешр».

Перу талантливого прозаика, Народного писателя Азербайджана (1964) Мехти Гусейна принадлежат немало интересных, **реалистических повестей:** «Вражда», «Трудная осень», «Комис-

сар», «Отчаяния»; **лаконичные рассказы** «Соперники», «Чинара», «Концерт», «Родственник», «Легенда о Кереме», «Слепой конь», «Ягнёнок», «Туннель», «Доброта», «Болезнь» и др. В этих произведениях реалистично отражены жизненные события, иногда окрашенные юмористическими и сатирическими оттенками.

Первым **драматическим произведением** автора была пьеса «Слава» (1939), затем последовали «Ожидание» (1944, совместно с Ильясом Эфендиевым), «Братья» (1948), «Пламя» (1961). **Исторические драмы** Мехти Гусейна «Шамиль» (1941), «Низами» (1942), «Джаваншир» (1943) долгие годы входили в репертуар азербайджанских театров. Наиболее известны его **кинодрамы** «Поэт» (1938), «Фатали хан» (1947, совместно с Энвером Мамедханлы), «Утро» (1958) и «Чёрные камни» (1958).

Мехти Гусейн известен также как критик. Уже **в начале своего творческого пути он проявлял большой интерес к литературной критике**, написав немало статей и исследовательских работ на различные темы. Его литературно-критические материалы неразрывно связаны с художественным творчеством писателя. **В своих литературоведческих, критических статьях он ставил важные теоретические вопросы развития классической и современной азербайджанской литературы**, в них скрупулёзно проанализированы многие важные аспекты азербайджанской и советской литературы. Он весьма активно выступал против тенденциозности и ревизионизма. Мехти Гусейн как критик отличался объективностью, принципиальностью и высокой эрудицией, его работы в целом характеризуются зрелостью теоретической мысли, остротой постановки вопросов.

Мехти Гусейн вёл большую общественную работу. Был ответственным секретарём Общества пролетарских писателей Азербайджана (1930), ответственным секретарём оргкомитета Союза писателей Азербайджана (1930–1934), секретарём (1954–1958), первым секретарём (1958–1965) правления Союза писателей Азербайджана, секретарём правления Союза писателей СССР (1958–1965), депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР V–VI созывов и депутатом Верховного Совета СССР VI созыва.

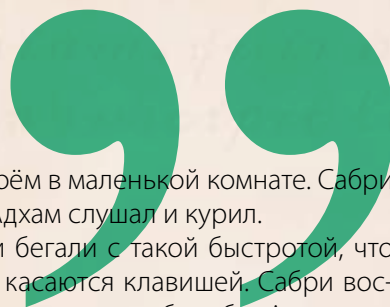
Выдающийся писатель, яркий романист, крупный мастер реалистических прозаических произведений, глубокий знаток азербайджанской и

русской литературы Мехти Гусейн 10 марта 1965 года в расцвете творческих сил, не дожив до 56-летнего возраста всего 12 дней, скоропостижно ушёл из жизни в своём рабочем кабинете в Союзе писателей Азербайджана. Похоронен в Баку на Аллее почётного захоронения. 🌟

Литература

1. Очерк истории азербайджанской советской литературы. Подготовлен к печати Институтом литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР совместно с отделом советской литературы ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР. Ответственные редакторы: З.С.Кедрина, Г.Б.Бабаев. Москва, «Наука», 1963. 570 с.
2. Azərbaycan Sovet ədəbiyyatı. Ali məktəblər üçün dərslik. Redaktorları: Ə.Mirəhmədov, B.Vahabzadə, F.Hüseynov. Bakı, "Maarif", 1966. 436 s.
3. Azərbaycan Sovet ədəbiyyatı tarixi. İki cild. I, II c. Baş redaktor akad. M.Arif. Bakı, "Elm", 1967. 638 s.; 502 s.
4. Мехти Гусейн. Повести, рассказы, пьесы. Москва, «Художественная литература», 1971. 456 с.
5. Мамед Ариф Дадашзаде. Азербайджанская литература. Учебное пособие для филологических факультетов университетов. Москва, «Высшая школа», 1979. 232 с.
6. Mehdi Hüseyn. Ədəbiyyat və həyat. Bakı, "Yazıçı", 1989. 512 s.
7. Т.Ə.Əhmədov. XX əsr Azərbaycan yazıçıları. Ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı, «Nurlar», 2004. 984 s.
8. Bədirxan Əhmədov. XX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. İcmallar, təhlillər, portretlər. Dərslik. II cild. Bakı, "Apostrof", 2010. 436 s.
9. Эльчин. Что дал нам соцреализм? // Журнал «Дружба народов», № 2, 2012, с. 206–217
10. Абузар Багиров. Московская азербайджанская литературная среда. Москва, «Художественная литература», 2017. 336 с.

The article gives a brief review of the works of prominent Azerbaijani novelist and playwright, literary critic and critic of the 20th century, Mehdi Huseyn. It is noted that an important direction of works of the writer, a colorful representative of the realistic movement, was the theme of Azerbaijani villages and their people in the era of Sovietization, as well as their participation in the development of the republic.

**Рассказы
КОНЦЕРТ**

Они были вдвоём в маленькой комнате. Сабри играл на рояле, Адхам слушал и курил.

Пальцы Сабри бегали с такой быстротой, что казалось, они не касаются клавишей. Сабри воспевал красоту жизни, звал к борьбе. Адхам понимал таинственный язык музыки. Папироса в его зубах потухла, глаза были устремлены куда-то вдаль.

Адхам не мог усидеть на месте. Он бесшумно ходил по комнате, останавливался за спиной Сабри и слушал с большим волнением.

Сабри взял несколько заключительных аккордов, и стены комнаты, казалось, зашатались и расступились. Наступила тишина.

Из-за полных, несколько грубоватых по рисунку губ Сабри мелким жемчугом сверкнули зубы. Усталый, исполненный радости, он вопросительно взглянул на своего товарища.

Несколько секунд прошло в молчании.

– Что это ты играл? – спросил Адхам. – Я почему-то не могу припомнить. Чьё это?

– А как по-твоему?

– Либо Бетховен, либо...

Сабри громко расхохотался.

– Значит, мы у Бетховена позаимствовали! – сказал он весело.

– Я не то хотел сказать... Это написано в стиле Героической симфонии... Мне думается, что эта вещь потрясёт слушателей.

Адхам посмотрел на Сабри, потом опустил голову и стал рассматривать свои ногти.

Сабри улыбнулся, встал и прошёлся по комнате.

– Но я же не способен создать глубокое и значительное произведение, не правда ли? – сказал он подчёркнуто хладнокровно, повторяя слова, некогда сказанные о нём Адхамом.

– Какой ты злопамятный! – сказал Адхам обиженно. – Неужели до сих пор не забыл? Это было сказано шесть лет назад и почти что в шутку!

Взгляд Сабри случайно упал на руки Адхама: его пальцы едва заметно дрожали.

– Одно тяжело в тебе видеть – зависть! Мне жалко тебя, Адхам!

– Ты ошибаешься, Сабри, – смущённо сказал Адхам. – Наоборот, я горжусь тем, что мой близкий друг мог написать такое сильное произведение...

Он не мог продолжать далее и остановился. Глаза Сабри были прикованы к губам, которые

произносили эту ложь. Да, Сабри и в самом деле оказался злопамятным; в течение шести долгих лет учёбы таил он обиду и теперь воспользовался удобным случаем, чтобы отомстить...

Прошло уже два года, как Сабри вернулся в Баку после учёбы в Москве. Но с Адхамом, своим старым товарищем, он встретился только сейчас.

Это имело свои причины. Сабри хотел встретиться с Адхамом, лишь создав интересное, значительное произведение. Ведь этот самый Адхам четыре года тому назад, провожая Сабри на учёбу в Москву, с иронией бросил:

– Образование не сделает тебя композитором! – и нехорошо засмеялся.

Тогда весь город расхваливал дарование Адхама, а о Сабри ходили всякие анекдоты, в сочинении которых живое участие принимал Адхам.

Заодно с Адхамом был и критик Агазаде. Этот человек, писавший на любую тему и считавший себя специалистом в области театра, эстрады, цирка, истории, азербайджанского литературного языка и даже литературы, немало статей напечатал и о музыке. Он мнил себя универсальным специалистом, будучи самым плоским дилетантом.

Этот человек, зарывший в могилу не один десяток молодых дарований, был круглым невеждой в музыке, как, впрочем, и в других областях искусства. Он сделал всё, чтобы убить в Сабри природное влечение к музыке. Он утверждал в своих писаниях и публичных выступлениях, что Сабри не обладает решительно никакими музыкальными способностями, и советовал ему пойти в агрономы или – ещё лучше и прибыльнее того – в ветеринары.

Сабри был молод, неопытен, но, вопреки мнению этой знаменитости, он верил в свои силы и часто говорил себе: «Мне не хватает знаний. Я поеду в Москву учиться!»

Не слушая Агазаде, он поехал в Москву. В течение четырёх лет он упорно учился. Его учителя, признанные всей страной музыканты, помогали росту его молодого таланта и по окончании учения советовали ему вернуться на родину и целиком отдаться творчеству...

Старый педагог, воспитавший целый ряд молодых мастеров, отличившихся на международных конкурсах, поцеловал его на прощание со словами:

– У вашего народа богатая и красочная музыка... Лучшие русские композиторы на основе этой музыки создавали бессмертные творения. Следуйте по их пути. Уже в первых ваших вещах

заметно благотворное влияние вашей народной музыки. Вам не хватает мастерства. Надо упорно работать. Поезжайте на родину... через несколько лет увидимся.

По возвращении в Азербайджан Сабри в течение двух лет разъезжал по городам и сёлам, слушал исполнителей народной музыки, играющих на свирели пастухов, поющих народные песни ашугов. Он бывал на свадьбах и народных празднествах, слушал сказителей, изучал народные сказания о героях, об их борьбе со злыми силами, с дивами и драконами. И, возвращаясь в город, привёз с собой материал, поражающий богатством и многообразием.

Произведение, которое он исполнял сегодня для Адхама, называлось «Свободный человек».

Сабри создал крупную симфоническую поэму, которая должна была обрадовать его учителей и друзей...

Адхам мысленно представил себе, как прозвучит в оркестре то, что сыграл ему Сабри на фортепиано, и вынужден был признать своё поражение. Его пальцы, державшие папиросу, продолжали мелко дрожать.

– Нет сомнения, – говорил он, стараясь скрыть свое смущение, – ты показал большие способности. Я-то всегда был уверен в тебе. Но Агазаде... Он всё ещё пишет в газете.

Сабри сразу понял намёк своего товарища.

– Я не гонюсь за славой, – ответил он твёрдо. – Я буду писать, и стараться писать хорошо... Что же касается этого критика, то, ей-богу, он не так страшен, как ты думаешь.

– Да, но как бы то ни было, он критик, он даёт направление слушателям.

– Ошибаешься, дорогой мой! Плохие критики сходят со сцены, а хорошие произведения остаются... Я надеюсь, что мои произведения заставят слушателей отвернуться от пошлых, примитивных песенок, которые извращают их вкусы, я открою путь к наслаждению подлинно народной музыкой, к пониманию её.

Адхам иронически усмехнулся. Бросив на Сабри беглый взгляд, он опустил голову. Он старался уверить себя, что перед ним всё тот же юноша, не имеющий никакого веса в глазах музыкальной общественности, встречаемый повсюду с насмешкой, не способный затмить его, Адхама, уже достаточно упроченную славу. Но то, что ему пришлось услышать сегодня в фортепианном исполнении, сильно волновало и тревожило Адхама, и он не в силах был скрыть свое беспокойство.

– Чему ты улыбаешься? – спросил Адхам. – Или опять думаешь, что я завидую тебе?

– Нет, что ты! Так, вспомнилось... Где Афшан? – неожиданно спросил Сабри. – Больше трёх лет я её не видел. Как у вас с ней?

– Афшан? Она здесь... уже врач... И любит меня ещё сильнее, чем прежде... А почему ты спрашиваешь?

– Так... А что, нельзя?

– Почему же нельзя? Просто меня удивило, что ты ни с того ни с сего вспомнил о ней...

Сабри улыбнулся.

— Ни с того ни с сего?.. Говоришь, она очень любит тебя? Так уверен?

– Странные вопросы ты задаёшь, право.

– Ну не ревнуй, Адхам. Это нехорошо.

Сабри подошёл к роялю и повторил отрывок из только что исполненной симфонии.

Вдруг он резко прервал игру, повернулся на стуле к Адхаму и сказал:

– Трудно далось мне это учение. До сих пор ещё не мог сшить себе приличный костюм. Некоторые девушки прямо шарахаются от меня. Не знаю, как буду выступать в таком виде.

– Ты думаешь дать концерт? – с удивлением спросил Адхам.

– А почему бы и нет?

Адхам пожал плечами.

– Не знаю.

– Ты не советуешь?

Это было то, чего больше всего боялся Адхам. Значит, Сабри действительно собирался показать широкому кругу слушателей плоды своих шестилетних трудов и исканий, привлечь своим концертом внимание слушателей музыки. Адхам почувствовал неприятную дрожь в теле, но тут же стал мысленно успокаивать себя: «Ещё вопрос, соберёт ли он слушателей... И потом, требуется слишком много труда и времени, чтобы поколебать моё положение!..»

Ему было нелегко, и он, не в силах скрыть своё состояние, с глубоким вздохом поднялся с места и, дымя папиросой, стал прохаживаться по комнате. Как ни старался Адхам подавить в себе чувство зависти, вспыхнувшее с новой силой, это ему не удавалось.

– Я буду очень рад твоему успеху, – сказал он, наконец, и продолжал, пожав плечами: – Но боюсь, что ты не соберёшь публики. Ведь о тебе составлялось не очень лестное мнение...

Сабри в первую минуту не нашёл что сказать, но, овладев собой, ответил:

– Ну что же, на первый концерт не придут, а

потом узнают, что я написал интересную вещь, и придут.

– Странный ты человек, право! Откуда у нас такие вдумчивые и сознательные слушатели?..

Газеты на последней полосе поместили коротенькие заметки о новом симфоническом произведении Сабри. В одной из заметок писалось о том, что молодой талантливый композитор, используя богатейшую сокровищницу народной музыки, создал глубокую, проникновенную симфонию.

И концертный зал был набит битком. Многие стояли у стен и за последним рядом кресел. Все с нетерпением ожидали начала концерта и появления у дирижёрского пульта молодого композитора.

Сабри пришёл на концерт за целых полчаса до его начала. Он был гладко выбрит, аккуратно причёсан. Только костюм, несколько поношенный, смущал его... Чувствуя приближение минуты, когда начнётся концерт, он волновался всё сильнее. Прислонившись к белым мраморным перилам, отделявшим концертный зал от фойе, он украдкой рассматривал публику. Вот, слегка прихрамывая, прошёл Агазаде, маленький, толстенький человечек с большими роговыми очками на горбатом рязом носу. Этот «критик» словно был создан лишь для расправы с молодыми способными композиторами. И теперь он, наверно, уже заранее обдумывал текст сокрушительной рецензии.

Наблюдая за прогуливающимися по фойе старыми школьными товарищами, видя знакомых девушек, Сабри чувствовал, как дрожат его руки, как взволнованной радостью наполняется грудь, как проходит по телу трепет ожидания.

Наверное, Афшан где-то здесь, в зале, вместе с Адхамом, – ведь она всегда так любила музыку...

В фойе погасли огни. Последние слушатели спешили в зал, чтобы занять свои места. В широкие окна фойе глядела только что поднявшаяся из-за моря полная луна. Сверкающую серебром дорогу проложила она по морю. Полукруг набережной был освещён электрическими огнями, обнимавшими древний Каспий.

Сабри с детства любил этот город. Что могло быть прекраснее этого моря, его могучих волн, бьющихся о гранит набережной? Очарованный Сабри забыл обо всём – словно он пришёл только для того, чтобы досыта налюбоваться волшебной красотой родного города.

По морю блуждали светлые точки, а город сверкал миллионами огней. Ах, как красив Баку!

Вдруг кто-то оторвал Сабри от его дум.

– Вас ждут!..

Зал встретил молодого композитора громкими аплодисментами, но Сабри прошёл к пульту с высоко поднятой головой, не кланяясь и не отвечая на приветствия.

«Не сейчас! Аплодируйте после исполнения!» – мысленно обратился он к рукоплескавшей публике и поднял палочку.

В зале воцарилась тишина. Тысячи глаз устремились на дирижёра. Люди приготовились слушать...

Это было повествование о человеке, который боролся за свободу и за это был брошен в темницу, мрачную и сырую. Долгие годы лишён был он света и радости. Он негодовал, он стучал кулаками в железные двери темницы. За что его лишили свободы? Только за то, что он хотел людям счастья и радости?

С детства выросший среди природы, он тосковал по солнцу.

И вот однажды он услышал далёкую песню. Её пел многомиллионный народ. То была песня свободы, и узник вспомнил о зелёных лугах, о бескрайних степях, о горных склонах, покрытых изумрудными лугами, о свободных днях, проведённых наедине с природой...

Он увидел бледный лик луны, стыдливо выглядывающий из-за белых облаков, напоминающих клочки взбитого хлопка... Он услышал тихое журчание родников, отражающих лунный свет... Вдруг заиграла пастушья свирель, и любимая песня народа разнеслась по горам и долинам... Эти звуки слились и потонули в мощной песне марширующих по улице людей. Так создавался новый народный гимн, сотрясавший стены темницы. И узник вдруг тоже запел. Его страстный голос слился с победной песней народа, нёсшего свободу всему человечеству...

Афшан, та самая Афшан, о которой Сабри спрашивал у Адхама, тоже была в зале. Она слушала симфонию, забыв обо всём, – и о публике, заполнившей зал, и об Адхаме, который сидел с ней рядом. Она вся была во власти музыки.

– Что с тобой, Афшан? Ты побледнела...

Девушка не слышала Адхама.

– Я тебя спрашиваю! Почему ты бледна?

– Не мешайте, товарищ! – зашикали на него с задних кресел.

Афшан слышала повторённый вопрос, но ответить не успела: весь зал задрожал, точно от землетрясения.

Афшан вскочила с места и, не глядя на Адхама, стала пробираться из зала, расталкивая людей.

– Сабри! Сабри!

Волнение очарованного музыкой человека, а не признание в любви слышалось в этом зове.

Афшан вбежала в комнату за эстрадой.

Сабри обернулся. Афшан подошла к нему и протянула руку. Сабри узнал её.

– Вы!.. – сказал он, широко улыбаясь и вытирая платком пот со лба. – А где Адхам?

Афшан смущённо опустила голову.

Сабри молчал. Их взгляды встретились. Из груди девушки вырвался вздох. Руки, державшие букет, слегка дрожали. Что это значило? Признание?

Не об этом ли мечтал он все последние годы?

Перевод Азиза Шарифа

ЛЕГЕНДА О КЕРЕМЕ

Я поведаю вам старинную легенду об одном смельчаке. Некогда великий русский писатель Максим Горький восторгался его бесстрашием, воспел его негибаемую, словно гора Каф, волю и мужество. Человек этот известен в народе под именем Гачак Керем.

Керем с отрядом своим скрывался в горах и непроходимых ущельях. Его враг Исфафил ага был, как и он, человеком сильным и смелым. Разнились они меж собою лишь в одном. Керем скрывался от царской власти, а Исфафил ага жил под её опекой.

Однажды, когда кочевья находились на пастбищах, Керем прибыл с отрядом навестить жену и детей, с которыми давно не виделся. Друзья-охотники, рассыпавшись по кибиткам, спали, не раздеваясь и прижав к груди начищенные до блеска ружья. А Керем лежал в кибитке, слыша ровное дыхание жены и тщетно пытаясь отогнать от себя усталость тяжёлых походов. Сон сторонился Керема. Думы о враге не давали ему покоя. Он ворочался в постели, горько сожалея, что тепло родного крова, близость жены не доставляют ему той радости, при которой всё на свете забывается, и ничто постороннее не беспокоит.

Керем вышел из кибитки. Кругом была крошечная тьма южной ночи. Кочевье было погружено в глубокий сон. Казалось, мёртвая тишина распростёрлась над всей вселенной. И псы, обычно чуткие к любому шороху, молчали, будто их вовсе и не было. Керем беспокоился, – враг мог вероломно напасть на них в любую минуту. Медленно ступая, Керем подошёл к часовому, спрятавшемуся за высокой скалой.

– Не спишь, Мардан? – шёпотом спросил он.

– Нет, дядя Керем, не сплю, – почтительно

ответил юноша. – А увижу, что сон одолевает, порежу палец – и в соль!

– А соль у тебя есть?

– Есть, дядя Керем, – сказал Мардан, дотронувшись рукой до газырей чухи.

Порезать палец и посыпать рану солью не считалось особым мужеством.

Керем вытащил из голенища сапога трубку с серебряным мундштуком и набил её табаком. Высек кремнём огонь. От искры табак задымился. Он ничего не ответил Мардану и снова прошёл по кочевью, вглядываясь в темноту. Керем выглядел спокойным, ничто на лице не выдавало волнения, но сердце его не могло успокоиться.

В бездонной чистоте вселенной мерцали крупные звёзды. Керем долго и внимательно вглядывался в крошечные дали, но ни одно живое существо не попадалось ему на глаза. «Видно, Ибрафил ага не знает о нашем приходе, не то он не упустил бы возможности напасть на нас», – подумал Керем и возвратился в кибитку.

Из темноты донёсся голос жены:

– Керем, свет моих очей, иди ложись, отдохни! Я не сплю, буду беречь твой сон!.. – Верная жена Керема глубоко вздохнула, и будто стон вырвался из её груди.

«О Всевышний, пожалей моих детей, убереги их отца...» – прошептала она, устремив к небу влажные от слёз глаза.

Сердце Керема было крепче стали, но мягче шёлка. Мольба жены взволновала его.

– Не печалься, Гюльсабах, – сказал он, – беда живёт недолго.

Жена промолчала. Грусть, с которой муж произнёс эти слова, болью отозвалась в её сердце. Керем прилёг, положил рядом ружьё. Хотелось хоть чуточку вздремнуть, забыть свои горести.

Ночь была длинна, а минуты беспокойны и тяжёлы. Глаза Керема наконец закрылись. Сладкий сон победил смельчака.

Керем не знал, сколько времени спал. Он проснулся, когда начало светать. Теперь можно было не опасаться внезапного нападения. При свете дня Ибрафил ага не посмел бы напасть.

Керем встал, вышел из кибитки. Пошёл туда, где из-под скалы, за которой укрылся часовой, бил зажатый между камнями чистый, прозрачный, ледяной родник.

Ещё с молодости этот уголок был любимым местом Керема. С родником его связывали дорогие сердцу воспоминания. Он прислонил ружьё к скале, снял и положил на камень патронташ, засу-

чил рукава. Долго умывался холодной, бодрящей водой. В зеркальной глади отражалось его лицо: чуть продолговатая бритая голова, широкие, лихо подкрученные усы, иссиня-чёрные, большие печальные глаза, горящие каким-то неизъяснимым огнём, длинная полоска шрама на лбу.

Когда Керем в куртке и курчавой барахловской папаше взбирался на коня, он походил на огромного орла. Но теперь, у родника, его трудно было отличить от простого крестьянина. Он вытер платком лицо и руки, сел на камень и погрузился в думы. Керем размышлял о своей судьбе, о тяжёлой доле близких, о тяжких потерях, проклинал вероломный век, коварное время. Керем знал – оно, коварное время, виновато в том, что он и его друзья разлучены с жёнами и детьми, с родным очагом... Хотя и убьёт он Ибрафил агу – всё равно судьба им не улыбнётся.

В молодости Керем не был задумчивым, он любил шутить, смеяться. Белые зубы его блестели, словно сахар, а раскаты смеха, словно ржанье лихого жеребца, эхом разносились по горам и ущельям. «Нет, видать, так уж мне на роду написано, – думал Керем, опоясываясь патронташем, – всю жизнь суждено прожить в разлуке с домом, с семьёй». Он взял ружьё и направился к кочевью.

На земле у входа в кибитку Керем заметил патрон. Он вздрогнул и невольно повёл руками по патронташу. «Не мой! – промелькнуло у него в голове. – Но чей же тогда?»

С помощью старшего сына Керем собрал весь отряд, поднял над головой патрон и громко спросил, оглядывая присутствующих:

– Чей?

Гачаки тотчас же проверили патронташи.

Керем снова спросил:

– Чей?

Все молчали – никто из них не терял патрона. Лицо Керема потемнело.

– Ребята, – сказал он, – сегодня ночью здесь был Ибрафил ага. Он прокрался, чтобы убить меня... Эх, Мардан, Мардан, как же ты пропустил его?

Юноша опустил голову. Всю ночь он ни на миг не сомкнул глаз и всё-таки прозевал!

– Ибрафил ага легко мог убить меня, – продолжал Керем, – но он не сделал этого... А знаете почему?

Гачаки недоумённо смотрели на Керема. Никто не ответил ему. Не ответил на свой вопрос и сам Керем.

– В горы! – крикнул вдруг он. – По коням! Ибрафил ага и казаки в любую минуту могут напасть на нас!

Керем испугался? Конечно, нет. Он не хотел, чтобы пули свистели здесь над головами детей и женщин, чтобы луга и цветы окрасились кровью.

Гачаки двинулись в путь. Когда кочевье скрылось из глаз, Керем натянул поводья, и его волоокий, с джейраньей поступью гнедой поднялся на дыбы и встал поперёк дороги. Двенадцать воинов не отрываясь, смотрели на Керема. Все превратились в слух.

– Ребята!.. – воскликнул Керем, – Исфафил ага ночью был в кочевье. Но в меня не выстрелил. А знаете почему? Потому что, хоть он и враг мой, а настоящий джигит! Он не стрелял потому, что увидел рядом мою жену. А патрон этот – его патрон. Он хочет сказать, что мог бы меня убить, но прощает ради жены! Что ж, Исфафил ага, я верну тебе твой долг!..

Отряд двинулся в путь, направляясь в высокие горы...

Пролетели месяцы, прошёл год, но Керему Исфафил ага не встретился.

В один из весенних дней, когда кочевья готовились подняться на эйлаги, Керем со своим отрядом неожиданно наткнулся на царских казаков. Начался кровавый бой. Гачаки неудачно окопались и потеряли двух воинов. На кочевье решили не ехать; забрав тела убитых товарищей, отряд поднялся в горы. Кровью обливалось сердце Керема. Ненавистью светились глаза его боевых друзей. Плохо пришлось бы врагу, повстречайся он им сейчас. Теперь им не страшен был и целый полк – их надёжно укрывали неприступные скалы. Но Керем решил здесь не задерживаться. Продолговатые кончалось, и, чтобы не остаться без еды, они должны были уходить. Надо было суметь замести следы, обмануть противника.

Керем перешёл Араз и всё лето провел в Тебризе. Жизнь вдали от семьи и детей была тяжела и мучительна. Гачаки порешили меж собой обратиться к иранскому шаху и получить иранское подданство. Но тебризские братья отсоветовали.

– Что шах, что царь – всё одно, – сказали они Керему и его товарищам. – Собака собаке на хвост не наступит.

Эти слова глубоко запали Керему в голову. Он решил вернуться с отрядом в родные места. Жизнь вне закона становилась мученьем. Но что он мог поделать? Сдаться властям? Повесят или, в лучшем случае, сгонят в Сибири.

Керем и его друзья убили немало беков, есаулов, казаков; немало предали огню помещичьих домов и поместий, много роздали беднякам ку-

печеского добра. Керем знал, что царская власть никогда не простит им всё это. Как же быть? Этот вопрос вставал перед Керемом не день, не два – он мучил его месяцы и годы.

Отряд переправился через Араз и направился в сторону кочевья. Кочевья спускались с пастбищ в низины. Извилистые, узкие горные дороги были забиты скотом, отарами овец, отовсюду слышался шум и гомон, по склонам гор разносились заунывные звуки народных песен. Керем был хмур и сумрачен, – он устал скитаться по чужим краям.

Вдруг случилось то, чего он никак не ожидал. На горной дороге Керем повстречал своего кровного врага Исфафила агу. Его кочевье как раз спускалось по горным тропам вниз. Исфафил ага сидел на гнедом, быстром, как джейран, и красивом, как марал, коне. В синей суконной чухе с газырями, со сверкающим ружьём на плече, он ехал впереди кочевья в окружении вооружённых друзей. Керем издали узнал врага.

– За скалы! На землю! – скомандовал он.

В мгновение ока гачаки выполнили приказ своего вожак – кони и люди словно улетучились, растворились.

Исфафил ага приближался. Гордо восседал он на своём коне. На какой-то миг Керем даже позабывал его красивой осанке. Он думал о том, что настал час отмщения, и к гневу его примешивалась радость.

– Ребята, пока я не прикажу, не стреляйте, – сказал он, оглядывая готовых к бою гачаков.

Но когда Исфафил ага приблизился, у Керема вдруг опустились руки.

– Не стреляйте, ребята!.. – сказал он, не снимая, однако, пальца с курка.

Исфафил ага чему-то улыбался. Его друзья тоже были веселы и бодры. А Керем дрожал от гнева, горько сожалея о том, что вынужден выпустить из рук меч отмщения.

– Эй! Исфафил!.. – приглушённым, полным гнева голосом окликнул Керем врага. – Это я! Пришёл вернуть должок!..

На какой-то миг Исфафил ага растерялся, но тотчас потянулся к ружью. Однако сидевший впереди него мальчик помешал ему быстро схватить ружьё.

– Я возвращаю тебе долг! – Керем захохотал, не в силах сдержать радость. Он смеялся так, будто вернулись его молодые годы, полные задора и веселья. – Я прощаю тебя ради сына!.. Езжай спокойно, да будет проклят коварный век!

Исрафил ага опустил руку, он узнал Керема, хотя он и его боевые друзья находились в укрытии – за скалами.

Керем ничего больше не сказал. Опустив голову, сгорбившись, Исрафил ага тронул коня.

Кочевье удалилось. Казалось, что Керем забыл своё горе. Он надвинул на глаза курчавую барашковую папаху и звонким, чистым голосом запел баяты.

Перевод Чингиза Гусейнова

СЛЕПОЙ КОНЬ

Свадьба подходила к концу. Юноши, прибывшие от жениха, собирались в обратный путь. Женщины и девушки грузили приданое невесты на двуколку, дожидавшуюся во дворе. Люди суетились. Не было предела радости тех, кто украшал арбу пёстрыми коврами. Все принарядились. Некоторые женщины были босы, но все надели яркие, пёстрые платья...

Вывели из дому невесту, стройную, в шёлковом платье, в туфлях на высоких каблуках, с ганджинским платком на голове, и повели её к арбе. Свояченица, искусно плывущая в танце перед музыкантами, пожелала молодожёнам долгой и счастливой жизни.

А сам жених, прислонившись к столбу, стоял в стороне и украдкой смотрел на невесту. Он не мог увидеть лица своей возлюбленной. Она всё ещё пряталась под покрывалом. Её длинный белый платок с синими узорами дрожал.

Во дворе яблоку негде было упасть. Люди веселились, танцевали. Но, к сожалению, любимого поэта здешних мест Вагифа давно уже не было среди них. Давно уже простился он с прекрасными свадьбами своей родины, давно уже не слышно было его соловьиной песни, задорного вызова, который он бросил поэтам-чужестранцам. Остался в живых только ашуг. Заметив, что зурна умолкла, ашуг прижал к груди трёхструнный саз и запел своим высоким красивым голосом, разнёсшимся по всей деревне:

Твоя свадьба, бек, ой, как хороша,
дай бог такую же твоим шаферам,
дай бог!

Он пел, искусно играя на своём сазе, и кружился в танце. Потом вывели на двор скаковых лошадей, хвосты которых были тщательно связаны узлом. Некоторые из них, высоко подняв горделивые головы, били копытами о землю, а иногда вставляли на дыбы.

Свадьба в деревне подходила к концу...

Музыканты, которые играли непрерывно семь дней и семь ночей, поднялись на крышу соседнего дома. Воинственная мелодия «Кероглу» понеслась по горам и долинам. Горячие кони, услышав эту мелодию, рвали поводья.

Вскоре привели коня бека. Все взоры устремились на него. Слепой конь был знаменит по всей округе. Он не был красив, но у него была маленькая голова, длинная тонкая шея и упругий живот. Конь был слеп на один глаз. Седло на нём было старое. Некоторые, увидев слепого коня, думали: «И что в нём находят? Урод какой-то». Но слепой конь на всех состязаниях занимал первое место. Ни одному коню не удавалось его обойти. Люди говорили, что этот конь из рода самого Гырата, прославленного коня Кероглу.

Бек подошёл к коню, погладил его, проверил ремни, поправил стремяна и два раза тихонько ударил коня по холке. Конь отошёл от хозяина и, возбуждённый воинственной мелодией, начал кружиться на месте. Он то вставал на дыбы, то склонял голову на грудь, то кружился на задних ногах. Этот танец длился несколько минут; все, не отрывая глаз от коня, любовались его движениями.

Кончив танцевать, конь вернулся к хозяину. Бек погладил его по шее, вытер копыта. Теперь он мог скакать на нем куда захочет и сколько захочет. Таков был слепой конь...

Парень, которого мы называли беком, на самом деле не был им. Беком его называли только в день его свадьбы. На следующий день после свадьбы этот парень снова возьмётся за соху и будет пахать землю или же пойдёт в батраки к богатым людям.

Нашего бека звали Керемом. Но он не был похож ни на Керема из легенды об Асли и Кереме, ни на благородного разбойника Керема. Он был просто бедным деревенским парнем. Его отец был конюхом у бека. Умирая, он не оставил сыну ничего, кроме тощего жеребёнка, слепого на один глаз. Никто не мог подумать, что этот тощий и некрасивый жеребёнок вырастет в прекрасного коня. После смерти отца Керем пошёл в пастухи, но не взял жеребёнка из табуна. Больше всего на свете он любил этого жеребёнка. Умирая, отец сказал ему: «Береги этого коня, сын мой, он достоин джигита!» Через несколько лет Керем поймал жеребёнка и начал приручать. Продав нескольких овец, полученных от хозяина за работу, Керем купил для жеребёнка черкесское седло.

Рос конь, росла гордость Керема.

Прошли годы. Керем полюбил девушку. Продав всех овец, которых он заработал за долгие годы, Керем семь дней и семь ночей справлял свадьбу.

Свадьба, которая сейчас подходила к концу, была его свадьба...

Подняв подол белой черкески, которую он только что надел, Керем заправил его концы за серебряный пояс и сдвинул папаху к левому уху. Черкеска очень шла ему. Нагайка, подаренная жене шафером, свисая с пояса, ударяла при ходьбе по его мягким сапогам.

Держа коня за уздечку, он мысленно обратился к нему: «Знаешь, сегодня моя свадьба. Конечно, неудобно, если я сам получу награду. Но всё равно ты не должен ударить лицом в грязь. Сулейман бек купил нового коня, из кожи лезть будет, чтобы прийти первым. Если ты не обгонишь его, мы с тобой больше не друзья!»

Керем, улыбаясь, посмотрел на слепого коня и ещё раз погладил его по шее. Некоторые, смотря на некрасивого коня, с удивлением пожимали плечами и думали: «Незавидный конь, просто везёт парню».

Молодые люди вскочили на коней. Теперь они казались храбрее самого легендарного Короглу. Стоило посмотреть на них, на их черкески с костяными мундштуками, на кинжалы с серебряными рукоятками, на сияющие радостью голубые глаза, на лихо сдвинутые папахи!

Керем тоже вскочил на коня. Тот соколом понёсся вперёд.

Крестьяне, взобравшись на крыши глиняных домов, разговаривали между собой, не отрывая глаз от Керема.

– Ещё ни разу слепой не получал хлыста.

– Гляди, Керем совсем не двигает ногой. Хороший ездок!

– Слепого только обидишь, если пришпоришь.

– Да, не дай бог, взбесится. Тогда уж держись...

– Сегодня событ спесь у слепого. С Вороным Сулейман бека не шути. Бек четырёх коней за него отдал. Скаун из породы курдоглу... Да, наверно, и сам Керем не очень-то будет стараться. Не получать же ему награду в день своей свадьбы?

– Это верно. А так-то ведь слепой ещё ни разу не прикоснулся коленом к земле.

Родственники невесты посадили в арбу музыкантов. И снова звуки воинственной мелодии заглушили людские голоса, сотрясали горы и долины.

Одна за другой двинулись в путь три арбы.

Начались скачки. И какие скачки! Казалось, в один миг вылетели из лука сто стрел.

Керем гнал своего коня рядом с конём Сулейман бека. Всадники мгновенно вырвались из деревни и рассыпались по широкому полю.

Люди, стоящие на крышах, затаив дыхание смотрели на поле. Они не отрывали глаз от слепого коня, с быстротой молнии мчавшегося впереди других. Керем прижался к шее коня. Он не делал никаких движений и не издавал ни звука. Да в этом и не было необходимости. Конь знал свое дело. Прижав маленькие уши, он легко преодолевал встречающиеся на пути препятствия и летел как ветер.

Вдруг люди на крыше закричали:

– Сулейман бек впереди!

– Обогнал!

Они говорили правду. Сулейман бек обогнал Керема. Но до финиша было ещё далеко. Кроме того, Керем лучше всех знал повадки своего коня. Он слегка хлопнул его по холке. Слепой нагнул голову, поднял уши, рванулся вперёд.

Всадники скрылись с глаз.

Между людьми, стоящими на крыше, шли ожесточённые споры.

– Слепой отстанет.

– Не думаю.

– Я тебе говорю, отстанет.

– А я говорю — не отстанет.

– Смотри, смотри, видишь, Сулейман бек впереди. Ну, уж теперь слепому не догнать...

– Ага, видал? Слепой не даст ему раскрыть глаза. Не конь — огонь!..

И тут раздался вопль. Зрители точно обезумели — ногтями они раздирали себе лицо, рвали на себе волосы, стонали. В глазах, только что светившихся радостью, теперь сверкала ярость и ненависть.

Керем выпал из седла, свалился на бок. Ноги его висели в стремях, а окровавленная голова билась о камни.

Все с ненавистью смотрели на Сулеймана. Этот завистливый человек на глазах у всех толкнул Керема и вышиб его из седла — не зря же он отдал за своего скакуна четырёх коней.

Слепой конь стал. Его взяли под уздцы, Керема сняли и положили на землю. Мать с криком бросилась на тело сына.

Слепой конь подошёл к хозяину и громко заржал. Свадьба кончилась.

У Керема был только один конь, но кое-кто, видимо, решил, что для него и этого слишком много.

**Перевод
Акбера Бабаева и Музы Павловой**